

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-2-44-55

УДК 297, 340.12

Содержание статьи

Информация о статье

*Д.Р. Зайнутдинов*¹ Введение
Об истории политических и
правовых учений Востока
Вопросы концепции халифата-
имамата
Заключение

Поступила в редакцию: 02.05.2023
Передана на рецензию: 08.05.2023
Получена рецензия: 29.05.2023
Принята в номер: 29.06.2023

Шигабутдин Марджани: мыслитель, историк, правовед

Частное образовательное учреждение высшего образования «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)»; knight_1988@mail.ru

Аннотация. В статье дана оценка воззрениям Шигабутдина Марджани и его исследованиям по ряду вопросов государственно-правового характера. Изучение вклада Ш. Марджани в исламскую юриспруденцию является одной из актуальных тем религиоведения. Своими трудами он определил три самостоятельных направления в тюрко-татарской правовой мысли: история политико-правовых учений Востока, история национальной государственности татар, проблемы теории исламского права и государства. Тем самым ученый на многие десятилетия вперед наметил курс развития татарской государственно-правовой мысли. В основе изучения наследия Марджани лежат логико-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой методы исследования, позволившие выявить в трудах ученого комплексные проблемы государственно-правового характера. Их осмысление требует качественного перевода работ Ш. Марджани на татарский и русский языки, а также объединения их в отдельное собрание сочинений.

Ключевые слова: Шигабутдин Марджани, исламская правовая система, халифат-имамат, история национальной государственности татар.

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-2-44-55

UDC 297, 340.12

Content of the article

Information about the article

*D.R. Zaynutdinov*² Introduction.
About the history of political and legal
doctrines of the East.
Questions of the concept of the
caliphate-imamate.
Conclusion.

Received: 02.05.2023
Submitted for review: 08.05.2023
Review received: 25.05.2023
Accepted for publication: 29.06.2023

¹ *Диняр Рафаилович Зайнутдинов* – доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», доктор юридических наук; orcid.org/0000-0003-0836-8769.

² *Dinar Rafailovich Zaynutdinov* – Dr. Sc. (Law), associate professor at the Department of Theory of State and Law and Public and Legal Disciplines of V.G. Timiryasov Kazan Innovative University (IEML); orcid.org/0000-0003-0836-8769.

Shigabutdin Marjani: Thinker, Historian, Jurist

V.G. Timiryasov Kazan Innovative University (IEML); knight_1988@mail.ru

Abstract. The author considers the views of Shigabutdin Marjani and his research on a number of issues of state and legal nature. Vafiyat al-Aslaf, Mustafad al-Akhbar, al-Hikma al-Baliga are the most significant works by Sh. Marjani devoted to various problems of Islamic law. The research into Marjani's contribution to Islamic jurisprudence is one of the topical issues of religious studies since it allows to consolidate the knowledge about the formation and development of Turkic-Tatar law. Marjani, in fact, identified three independent directions in the Turkic-Tatar jurisprudence – the history of political and legal teachings of the East, the history of the national statehood of the Tatars and the problems of the theory of Islamic law and the state. Thus, the scholar determined the development of the Tatar state-legal thought for many decades to come. The article attempts to study each of these areas separately. The study is based on logical-legal, comparative-legal and historical-legal research methods. The paper emphasizes the need for a high-quality translation of all works by Sh. Marjani into the Tatar and Russian languages, as well as uniting them into a single collection of works.

Keywords: Shigabutdin Marjani, Islamic legal system, caliphate-imamate, history of the national statehood of the Tatars.

Введение

Научная деятельность Шигабутдина Марджани (1818–1889) в области этнографии, востоковедения и педагогики изучена хорошо. Во многом это обусловлено тем, что в советский период на исследование трудов Ш. Марджани не был наложен идеологический запрет, как, например, на работы Мусы Джаруллаха Бигиева. Поэтому о его жизни и научной деятельности написаны десятки книг и сотни статей.

Ш. Марджани был разносторонним ученым. Он интересовался медициной, астрономией и другими науками. Х.Х. Хасанов утверждает, что «Ш. Марджани первым из представителей немногочисленной татарской интеллигенции понял чрезвычайно важное значение музыки в эстетическом воспитании народа. Он выступил также в защиту изобразительного искусства» [13, с. 130]. Однако современной науке Ш. Марджани больше известен как историк, внесший огромный вклад в татарскую историографию. «Историю даже можно назвать матерью всех знаний», – писал сам Ш. Марджани [7, с. 5]. Поэтому ученые справедливо утверждают о преобладании в его трудах исторических аспектов [17, с. 60]. Марджани вполне можно считать создателем каркаса современной концепции истории татарского народа.

Заложенная им историографическая основа настолько обширна, что охватывает широчайший спектр гуманитарных наук. Касаясь конкретной сферы знаний, Ш. Марджани первоначально обращался к моменту их зарождения. Этнографию, педагогику, богословие он рассматривал через историческую призму, что позволяло ему выявлять неизученные области. Одной из таких областей была и юриспруденция, в которой Ш. Марджани фактически определил три самостоятельных направления: история политико-правовых учений Востока, проблемы теории исламского права и государства, история национальной государственности татар.

Об истории политических и правовых учений Востока

В спектре мусульманской цивилизации значение истории политико-правовых учений имеет особую специфику по той причине, что в исламском мире религия и право неразрывно связаны между собой. Исламская правовая система не знает четкого деления права на отрасли, характерные для романо-германской правовой семьи (конституционное,

уголовное, гражданское, земельное и другие). В исламских источниках права нет тех структурированности и системности, которые известны юристам континентального права. Для религиозных правовых семей характерна своя, уникальная система источников права, исходящая из основ священных писаний. В то же время в исламской правовой системе имеется деление на отрасли и институты – весьма специфические и характерные только для нее, например, такие, как «право личного статуса», деликтное право (аналог уголовного права), отрасль «властных норм». Это же касается и вышеуказанных теоретико-исторических дисциплин. Например в мусульманской юриспруденции отсутствует теория государства и права – ее заменяют *ильм аль-усул* (наука о корнях), *усуль аль-фикх* (основы фикха), макасид аш-шариа (теория целей шариата) и др.

Иначе обстоит дело с историей политических и правовых учений исламского мира. Такая дисциплина хотя и имеется в исламском праве, но в сравнении со своим аналогом в континентальной правовой системе имеет более узкий охват. История исламских политико-правовых учений концентрируется на познании мазхабов (богословско-правовые школы). Она тесно связана с каламом и таклидом [3, с. 128–129, 222].

До середины XX века история исламских политико-правовых учений фактически не выходила за рамки арабской правовой традиции. М. Санаи пишет: «Политическая мысль – одно из основных направлений интеллектуальной жизни мусульман в течение двух последних столетий. В первую очередь ее следует рассматривать в контексте продолжительной борьбы мусульманских народов бывших колониальных стран за суверенитет и свободу родины от западных держав. Эта борьба способствовала политизации мышления народов мусульманских стран. Следует, однако, иметь в виду, что тесная связь политики и религии заложена в самом учении ислама»³. Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что одним из первых исследователей, которые вышли за рамки изучения истории арабо-исламских политико-правовых учений, стал Ш. Марджани. Его исследования проникли глубоко в тюрко-татарскую цивилизацию.

Ш. Марджани осознавал специфику исламской правовой системы, ее недостатки и положительные черты. Он предельно четко обозначил проблему: «они (мусульманские ученые-историки. – Д. З.) не приводят биографии наших болгарских ученых, правителей, не рассказывают о быте наших предков. В результате этого история нашего народа осталась скрытой от большинства людей» [7, с. 6]. Выступив как абсолютный новатор, он попытался преобразовать историю исламской политико-правовой мысли в более глобальную науку – историю политических и правовых учений Востока.

Ш. Марджани был хорошо знаком с трудами древнегреческих мыслителей. Он «обстоятельно разобрал взгляды Аристотеля, Платона, Пифагора, Эвклида, Фалеса, Сократа и других античных философов и дал им свою оценку» [17, с. 32]. Европейская политико-правовая традиция, берущая свое начало из древнегреческой мысли, оказала огромное влияние на правовые воззрения Ш. Марджани, в результате чего он стал одним из первых, кто смог взглянуть по-новому на историю политико-правовых учений исламского мира и дополнить ее знаниями о тюрко-татарских правоведах и государственных деятелях.

Весомый вклад в историю политических и правовых учений Востока внесли труды Ш. Марджани «Вафийат ал-Аслаф ва тахият ал-Ахлаф» («Подробное о предшественниках и приветствие потомкам», 1883) и «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара», 1885–1900). Именно «в «Мукаддиме»

³ Санаи М. Мусульманское право и политика: учебное пособие. – М.: Садра, 2014. – С. 55.

(введение к «Вафият ал-Аслаф». – Д. 3.) и «Вафият ал-Аслаф» Марджани проследил преемственную связь от знания античного мира и Средневековья к знанию Нового времени [16, с. 93]. Как пишет Юлай Шамил углы, «"Вафият ал-Аслаф"» – произведение на арабском языке, состоящее из 7 томов, представляет собой биографический словарь, описывающий жизнь и вклад 6057 известных деятелей в историю исламской цивилизации в хронологическом порядке (включая самого Ш. Марджани)» [14, с. 116–117]. С другой стороны, «Вафият ал-Аслаф» [5] – это первый труд, посвященный истории политических и правовых учений Востока, охватывающий не только арабскую правовую мысль, но и тюрко-татарскую. В «Вафият ал-Аслаф» Ш. Марджани «описывает историю зарождения наук на Востоке, дает их классификацию, подкрепляя ее ссылками на видных деятелей мусульманской культуры, рассматривает основные религиозные школы в исламе» [16, с. 93].

В указанном произведении выделены политико-правовые воззрения мусульманских ученых и дано описание их трудов, а также характеристика правителей Улуг Улуса (Золотой Орды), Казанского и Крымского ханств. Ш. Марджани дает оценку взглядам таких знаменитых мусульманских правоведов, как Ал-Джуббаи, Ал-Каби, Ал-Матуриди, ибн Рушд, Ал-Иджи, Ас-Субки, Накшбанд Бахааддин, Ат-Тафтазани Сададдин и другим [5, с. 77–146]. В «Вафият ал-Аслаф» не просто описываются воззрения мусульманских правоведов. Здесь изучается их вклад в развитие политико-правовой мысли. Например, Ш. Марджани указывает, что ибн Рушд «был уникальным, выдающимся человеком своей эпохи в знании философских и всех рациональных наук, в знании догматики и всех религиозных наук» [5, с. 81].

Некоторых ученых Ш. Марджани выделяет как знаменитых педагогов-юристов. К таким он относит Мустафу Муслихаддина, отмечая, что «он преподавал в известнейших медресе, управлял большими провинциями, заведовал юриспруденцией в Брусе и Эдирне близ Константинополя» [5, с. 120–121]. Особое внимание он уделяет татарским правоведом – Абу-н-Наср Курсави и Габдрахиму Утыз-Имяни]. В отношении Габдрахима Утыз-Имяни он пишет, что тот «был одним из известнейших людей своего времени благодаря своей учености, достоинству, преподавательской деятельности и сочинениям» [5, с. 136–140].

Описывая правовые воззрения своего ученика Хусаина Фаизханова (1823–1866), Ш. Марджани отмечает: «Он постоянно занимался, изучая работы других ученых, и многое почерпнул у них, хорошо знал хронику событий, мировую историю, обстоятельства жизни правителей и был знатоком фикха и основ веры» [5, с. 140–146]. Он выделяет правовые воззрения Х. Фаизханова в сфере реформы образования, изложенные в работе «Ислах аль-мадарис» («Реформа медресе», 1863 год): «Хусаин б. Фаизхан считал, что мусульманам добиться подъема наук можно, только построив новое, великолепное медресе, в котором преподаванием каждой из мусульманских наук занимался бы отдельный преподаватель. Например, один преподаватель вел бы занятия только по фикху и не обращался бы к другим предметам. Другой занимался бы только арабским языком, и ничем иным. Кто-то преподавал бы только философию. Таким образом, у каждого из них были бы определенные обязанности, и за их исполнение он получал бы жалованье. В медресе также должен быть смотритель, обладающий достаточной властью над проживающими, который поддерживал бы среди них дисциплину согласно распорядку, основанному на шариате и здравом смысле» [5, с. 141]. Реформа мусульманского образования была одной из основных идей Х. Фаизханова, облаченной в целостный концептуальный проект, реализация которого должна была состояться на государственном уровне. В «Вафият ал-Аслаф» Ш. Марджани выражает уверенность в том, что новая эпоха в развитии политических и правовых учений будет происходить не на арабском Востоке, а в среде тюркских народов, где татарские

правоведы должны занять свое должное место.

Продолжением «Вафият ал-Аслаф», с позиции изложения истории политико-правовых учений Востока, можно считать работу «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар», изданную в 1900 году в Казани, в университетском издательстве на деньги книготорговца Мухаммадшарифа Ахмаджана Бакирова. Несмотря на то, что данный труд (первый том) представляет собой исследование по истории татарской национальной государственности, в нем наличествует специальный раздел, посвященный науке и трудам болгарских ученых. Газиз Губайдуллин еще в 1915 году отмечал: «Марджани также является составителем политической истории татар, он же – историк культуры. Историю нашей литературы первым написал именно он. Пролистав только “Мустафад ал-ахбар”, мы увидим названия множества произведений татарских и болгарских ученых, написанных на различные темы. Проведя лишь поверхностный счет, мы нашли более 40 названий неизданных произведений татарских ученых, написанных на всевозможные темы» [15, с. 266–267].

Шигабутдин Марджани представил целый ряд правоведов, труды которых требуют глубоко изучения:

- Галяуддин Абдулазиз ибн Ахмад ал-Маймырги; труды – «Усул-Фахр ал-Ислам», «Кашф ал-кабир», «ат-Тахкик»;
- аш-Шейх Бурхануддин Ибрахим ибн Хозыр ал-Булгари ал-Ханафи; труд «Усул ал-Хусами»;
- Таджуддин Ибрахим ибн Мухаммад; труд «Усул имам Фахр ал-Ислам»;
- Шейх Бурхануддин Ибрахим ибн Юсуф ал-Булгари; труд «Шахр адаб ас-сахаиф», комментарии к книге «Фусул ан-Насафи фи гилми алджадал»;
- Наджмуддин Абу Раджа Мухтар ибн Махмуд ибн Махаммад ал-Казвини ал-Ханафи, более известный как аз-Захиди; труды «ал-Кинья» и комментарии «Мухтасара ал-Кудури»;
- Ахмад ибн Махмуд ал-Джунди; комментарий «Макалид» к книге Матрази «Мисбах»;
- Кутбуддин Мухаммад ибн Мухаммад ар-Рази аш-Шафиги, известный как ат-Тахтани; труды – «ал-Мухкамат», «ар-Расалья ал-магмуля», «Шарх ал-маталиг», «аш-Шамсия», «ал-Хави ас-сагир»;
- Шейх Минхаджуддин Ибрахим ибн Сулейман ас-Сараи; труд «Мафатих ал-акфал»;
- Сагдуддин Масгуд ибн Гумар ал-Хорасани ан-Насаи аш-Шафиги, был известен как Тафтазани; труды – «Шарх ал-гакаид», «Талвих галя ат-тавдых»;
- Шейх Хафизуддин ибн Мухаммад ибн Шихаб ибн Юсуф ал-Хорезми ал-Кардари, был известен как Ибн ал-Баззаз; труд «ал-Фатава ал-Баззазия»;
- Гисам ибн ал-Малик ал-Маргинани; труд «ал-Хидая»;
- Шейх Мухаммад ал-Булгари; труд «Хазинат ал-гуляма ва зиннат ал-фукаха» [7, с. 100–113].

В «Мустафад ал-ахбар...» Ш. Марджани указывал на преемственность болгарскими традиционной арабской политико-правовой мысли: «Можно предположить, что уже во время правления Алмас хана у болгар были как свои, так и приезжие ученые. У татар есть пословица: “Если мясо варится в большом казане, то сырым не останется”. Именно из таких соображений Алмас хан отправлял различные посольские миссии в Багдад, а также у халифа просил прислать ему ученых и специалистов из разных областей науки и техники, для того чтобы они могли обучить болгар основам религии и различным ремеслам» [7, с.

100].

Преемственность арабской политико-правовой мысли прослеживается и в работе «Вафият ал-Аслаф», где он старается подражать стилю Ибн Халдуна. Более того, как справедливо пишет М.Х. Юсупов, «труд Ш. Марджани “Мустафад ал-ахбар...” важен для изучения его общественно-политических воззрений, которые характеризуют автора как гуманиста, противника войн и насилия. Здесь он разоблачает агрессивную политику феодального государства Тимура, бухарских эмиров и других правителей» [17, с. 82].

Ш. Марджани выделил ряд исламских юристов и государственных деятелей, внесших значимый вклад в развитие исламской правовой мысли:

– Ал-Джуббаи (915/16) – один из столпов мутазилизма, знаток калама, автор «Макалат» («Учений») и других сочинений. В фикхе он был ханафитом, в догматике придерживался учения басрийских мутазилитов [5, с. 77];

– Ал-Каби (ум. 931) – ханафит в фикхе и мутазилит по убеждениям, автор «Ал-макала» («Учения»), приписываемого ему, и ряда других сочинений по каламу [5, с. 79];

– Ал-Маттуриди (942/943) – знаток тафсиров, хадисов, фикха, основ вероучения, традиционных и рациональных наук [5, с. 79–80];

– Ибн Рушд – имам, факих, знаток фикха маликитского мазхаба, верховный кадий в правлении династии ал-Моравидов, написавший около семидесяти сочинений, за приобретение которых соперничали друг с другом достойнейшие, выдающиеся люди [5, с. 81];

– Ал-Иджи – верховный кадий в государстве султана Абу Саида (правитель в Персии) [5, с. 82];

– Ас-Субки – факих, мухаддис, хафиз, комментатор, грамматист, лексиколог, адиб, полемист [5, с. 82–83];

– Бахааддин – суфийский шейх, величайший гностик своего времени, глава общины Накшбандийа. Его тарикат и убеждения были праведными и соответствовали шариату, исключали ересь [5, с. 91];

– Ат-Тафтазани Сададдин (1322–1390) – автор произведений по: арабскому языку, фикху, основам вероучения, различным областям философии и рациональным наукам [5, с. 93-94];

– Ас-Сараи Алааддин [5, с. 96], Мустафа Муслихаддин [5, с. 120–121] и Ал-Кашифи ал-Ваиза [5, с. 124].

Второй том «Мустафад ал-ахбар» интересен описанием краткой биографии и характеристикой деятельности муфтиев, имамов, мулл Казанского края в составе Российской империи, а также правового статуса Духовного собрания мусульман и Казанской мусульманской ратуши. Значение этого тома, в отличие от первого, заключается в том, что он был посвящен выявлению причин остановки развития татарской политико-правовой мысли, ее закостенелости, вызванной сильнейшей зависимостью от воли и решений имперской администрации.

Таким образом, исследования Шигабутдина Марджани («Вафият ал-Аслаф» и «Мустафад ал-ахбар»), раскрывая хронологическую последовательность развития татарской государственно-правовой мысли с периода Волжской Булгарии и фактически до конца XIX века, существенно дополнили историю исламских политических и правовых учений. Внесенный им вклад в данную область науки имеет огромное значение и требует более тщательного изучения. Несомненно, что ему удалось осуществить трансформацию науки истории исламской политико-правовой мысли в историю политических и правовых

учений Востока. По этой причине Шигабутдин Марджани стал популярен далеко за пределами Казанского края.

Вопросы концепции халифата-имамата

По мере развития исламской правовой системы и увеличения числа государственно-правовых моделей исламских стран происходило становление теории исламского государства. Исламская концепция государства складывалась в основном в XI–XIV веках. В теории исламского государства зарождаются концепции халифата (букв. «преемство») и имамата (букв. «руководство молитвой»). По сути, термины *халифат* и *имамат* являются синонимами, обозначающими предпочтительную форму правления для мусульманского государства. Верно указывает Э.Э. Ахвердиев, что в исламском праве «вместо понятия *государство* используются категории *халифат* и *имамат*, которые в дальнейшем стали обозначать мусульманские государства» [2, с. 264]. Руководство халифатом осуществлялось халифами, которых также называли имамами [1]. Главное отличие халифата от имамата кроется в приверженности к конкретным направлениям ислама – суннизму и шиизму.

Для мусульман центральной части Российской империи проблематика халифата-имамата, как форм правления, никогда не была актуальной не только по причине невозможности их реализации, но и в связи с особенностью исторического развития тюрко-татарской государственности (каганат, ханство). Тюрко-татарские правоведы никогда не стремились к установлению теократической формы правления. Светский характер власти имел основополагающее значение в тюркских государствах. Тем не менее, во второй половине XIX в. среди татарских ученых зарождается определенный интерес к изучению проблематики формы правления исламских стран. Во многом этому способствовала героическая борьба народов Кавказа и Средней Азии за свою независимость в жестоких колониальных войнах, затеявших Российской империей в 1800-х годах, итогом которых стало уничтожение мусульманских государств (ханств, эмиратов, княжеств).

В 1856 г. Ш. Марджани издает свою книгу «ал-Хикма ал-балига ал-джаниййа фи шарх ал-'акаид ал-ханафиййа» («Книга о предельно зрелой мудрости по комментированию ханафитской доктрины воззрений»), являющуюся подробным комментарием к вероучению ханафитского толка (труд имама Абу Хафс ан-Насафи «Насафитский символ веры» или «Кредо ан-Насафи») [6]. Данный труд был издан на арабском языке в Казани в 1889 году и считается одним из лучших религиозно-философских сочинений Ш. Марджани [14, с. 122]. Его комментарий можно разделить условно на семь глав. Для юридической науки особый интерес представляют главы шестая (о проблеме халифата и имамата) и седьмая (частные вопросы вероучения и права).

В целом «ал-Хикма ал-балига...» охватывает немало вопросов правового характера. В частности, есть раздел, посвященный проблемам халифата-имамата как формам правления, характерным для суннитской и шиитской исламской государственности. Глава о халифате-имамате особо ценна тем, что посвящена не изучению вопросов «бытового» исламского права (совершение молитв, проведение обрядов, поста и прочих атрибутов религии), а проблематике теории исламского государства. В труде «ал-Хикма ал-балига...» автор поднимает проблему легитимности монархической формы правления, наследственности власти, правомочий и ответственности монарха.

Ш. Марджани в указанной работе ставит четкую цель, заключающуюся в разъяснении того, что проблематика формы правления – это вопрос оформления и функционирования публичной власти, а не теологии. Так, изначально он выделяет: «Знай, что вопросы имамата и превосходства (ат-тафадул) между сподвижниками [Пророка] не

относятся к проблемам вероубеждений, и они не рассматриваются в книгах по основам религии (усул ал-дин). Однако одна группа из людей непозволительных нововведений (ахл ал-бида') проявила неумеренность в данных вопросах и связала данные вопросы с верой в Аллаха и утверждением истинности Посланника (шииты. – Д. З.), а другая снизила их важность и полагала, что они не нужны и напрасны (хариджиты. – Д. З.)» [6, с. 273]. По ходу изучения работы «ал-Хикма ал-балига...» можно прийти к выводу, что к концепции халифат-имамат Шигабутдин Марджани подходит с позиции теории государства, а не теологии.

В период творчества Ш. Марджани концепция халифата-имамата еще не стремилась к содержательному разграничению и обособлению понятий, а потому в исламской юриспруденции эти термины использовались как синонимы. Хотя Ш. Марджани и следовал классической интерпретации концепции халифата-имамата, но в этой работе он попытался раскрыть подходы различных направлений в исламе к халифату-имамату (в особенности между суннизмом и шиизмом). Примечательно и то, что Ш. Марджани в процессе исследования концепции халифата-имамата понятие *имамат* часто использует для обозначения формы правления, а *халиф* – для титула правителя (монарха) [6, с. 295, 297]. Например, изучая качества халифа, он отмечает: «В действительно искомое (рассматриваемое) в этой главе касается качеств пригодности (сулух) поста халифата (хилафа), принятия на себя имамата и главенства уммы посредством руководства над ее массой и управления ее делами ...» [6, с. 297]. Ш. Марджани указывает на иное мнение шиитов относительно права имама (халифа) толковать «исполнение положений, разъясненных со стороны шариата в их отношении» [6, с. 308]. В частности, Ш. Марджани отмечает, что шииты признают за имамом (халифом) право «разъяснить такое скрытое из доказательств, как изложенное сжато (ал-муджмал), неясное (ал-мушкил) и неочевидное/неоднозначное (ал-муташабих), и уведомить о том, что есть кроме этого» [6, с. 308]. То есть фактически правитель в шиитской концепции халифата-имамата правомочен расширять свою власть. На протяжении всего исследования Ш. Марджани неоднократно обращается к правовым воззрениям шиитов касательно концепции халифата-имамата, тем самым выявляя в них отличительные от суннитской правовой мысли особенности.

Ученый подчеркивает, что воля халифа в мусульманском государстве (в отличие от европейской монархии) не является высшим законом, она не абсолютна, а ограничена нормами шариата. Он поясняет: «Их правление (хилафа) после Посланника Аллаха (с.а.в.), что означает [его] заместительство (замещение) в делах светских и религиозных и предводительство над людьми общим управлением, которому всем им нужно следовать (подчиняться)» [6, с. 298]. Полномочия халифа (особенно ярко это прослеживается в суннитской концепции халифата-имамата) безоговорочно определены Аллахом, что лишает его всевластия: «Они (сподвижники. – Д. З.) сделали его (имамат) необходимым со стороны Аллаха Всевышнего либо для сохранения законов шариата от изменения посредством добавления и уменьшения, как это в мазхабе имамитов из них, либо чтобы это было определяющим для Аллаха Всевышнего и Его атрибутов, как это в мазхабе исма'илитов. «[Который] приводит в исполнение их правила и нормы (ахкаму-хум)», т. е. исполнение положений, разъясненных со стороны шариата в их отношении» [6, с. 308].

Вопрос о суверенитете власти весьма важен в концепции халифата-имамата. Верховным носителем суверенитета в халифате-имамате является Аллах. По данному поводу Л.Р. Сюкияйнен пишет: «Суннитская правовая политическая теория делает особый акцент на том, что власть главы государства не абсолютна, он не пользуется какими-либо привилегиями или иммунитетом, а также, как и простой мусульманин, подчиняется нормам

шариата и может быть наказан за любой проступок. Поэтому, хотя он и осуществляет верховную религиозную власть в государстве, его полномочия лишены божественного характера. Будучи главой государства, халиф не пользуется законодательной властью в точном смысле и может вводить в оборот новые правовые нормы лишь постольку, поскольку является муджтахидом» [11, с. 92]. В этом спектре шиитская концепция халифата-имамата отличается от суннитской. В отличие от суннитской концепции шиитское учение наделяло имама абсолютной, почти божественной властью и ставило его выше общины. Его личность объявлялась священной. Фактически имам считался непогрешимым. По вопросам, не урегулированным Кораном и Сунной, только его решения имели силу закона, поскольку имамом мог быть лишь величайший знаток шариата.

Много внимания Ш. Марджани уделяет доказательству легитимности монархической власти и последовательному ее правопреемству праведными халифами. Он весьма близко подошел к современным формулам, позволяющим отличить концепцию халифата-имамата в суннизме и шиизме. В частности, одним из отличий концепции халифата от концепции имамата заключается в соотношении формул «избрание–договорность» (суннизм) и «наследование–божественность» (шиизм). Исламская политическая теория не знает строго общепринятого порядка замещения поста главы государства. По поводу утверждения халифата-имамата для мусульман Марджани поясняет: «Мазхаб [Абу Ханифы] говорит, что преимущество (ал-афдалийя) не является необходимым условием для звания халифа и истинности управления (бытия правлением)» [6, с. 298]. Также Ш. Марджани обращает внимание на присягу народа тому или иному правителю – халифу (имаму), то есть признание его власти фактически посредством выборов [6, с. 299, 305, 310, 315]. Далее автор продолжает: «Мусульманам необходимо иметь какого-либо имама (предводителя). Его назначение обязательно (ваджиб), что известно из божьего закона и относится к выбору людей власти. Он назначается среди них в достаточной степени одним назначением» [6, с. 308]. Таким образом, Ш. Марджани выводит правовую позицию суннитской концепции (теоретически сформулированную после него) – «власть халифа не наследуема и не передаваема» [2, с. 266].

Следовательно, исламская теория монархии наделяет правителя значительно меньшими полномочиями, чем европейский абсолютизм и российское самодержавие. Признанием периода властвования конкретного монарха в качестве халифата – имамата является справедливость его правления. Важно подчеркнуть и то, что халиф ответственен за свои поступки и может быть смещен с поста. Так, Ш. Марджани указывал: «Мы не принимаем утверждение, что необходимо слушаться его в любом случае, даже обязательно следование ему в дурном, скверном. Ведь он на самом деле назначен на этот пост для выполнения того, что определил Законодатель из определенных Им дел и разъясненных Им положений» [6, с. 320]. Из данного факта автор делает вывод, что если халиф (имам) «был назначен на пост, будучи справедливым, а затем стал притеснителем в правлении и распутствовал посредством него или иного, то он заслуживает отстранения» [6, с. 324]. Таким образом, полномочия халифа (имамата) строятся на ответственности перед избравшими его мусульманами (уммой). Общество, в случае пренебрежения халифом (имамом) своими обязанностями, превышения полномочий и т. д. может вполне законно отстранить его от власти.

Для исламской правовой системы, так же, как и для романо-германской и англо-американской правовых семей, присуща классификация монархической формы правления. В то же время в исламской правовой системе нет единой общепринятой классификации, в разных правовых школах она различается. Так, в настоящее время в науке теории права и государства принято классифицировать монархию как абсолютную, сословно-

представительную, дуалистическую, парламентарную, то есть в зависимости от концентрации власти – от безграничного суверенитета правителя к нуллификации его полномочий. В данном вопросе Ш. Марджани посредством обращения к первоисточникам (Корану, сунне, хадисам) и к «Кредо ан-Насафи» решился на представление собственной классификации монархического правления. Здесь нельзя не признать уникальность подхода автора. В частности, Ш. Марджани отмечает, что халифат как справедливое истинное правление закончился после Хасана ибн Али (с января по июль 661 г.), последующие правители не являлись халифами, а были монархами (короли/цари) и эмирами (губернаторами). Таким образом, исходя из источников исламского права, Ш. Марджани представил следующую концепцию классификации монархии, базирующейся на принципе справедливого правления и тирании: халифат-имамат (хулафа') – эмират (умара') – «монархия» (мулук) – диктатура/деспотия (джабабира) [6, с. 307–308]. Примечательно то, что у автора прослеживается мысль: каждая форма монархии менее легитимна, чем предыдущая, соответственно и правомочия монарха подлежат сокращению, тогда как роль общества (уммы) в управлении государством должна возрастать. То есть в учениях Ш. Марджани наблюдается некое движение к исламскому парламентарному республиканизму.

Подытоживая анализ концепции халифата-имамата в труде «ал-Хикма ал-балига...», изложенной Ш. Марджани, отметим высокий уровень теоретико-практической подготовки автора, прекрасное знание исламской теории права и государства. Сделанные Марджани выводы соответствуют современному пониманию концепции халифата-имамата. Он обосновал специфику формы правления мусульманского государства – халифата-имамата, заключающуюся в выборности, ограниченности власти, возможности отстранения, ответственности правления. Также автор упорядочил и представил свою классификацию монархической формы правления в исламской правовой системе.

Заключение

Труды Ш. Марджани оставили весьма значимый след в исламской науке. Рост внимания к его трудам и деятельности – несомненно положительный момент. Тем не менее, в общем контексте современных работ явно наблюдается нехватка исследований юридического характера, которые всесторонне обобщали бы взгляды Ш. Марджани по тем или иным вопросам в отношении исламского права, раскрывали бы его видение теории мусульманской государственности и прочее, хотя в последнее время вышли работы [9; 10], посвященные правовым воззрениям Шигабутдина Марджани. Вклад Ш. Марджани в исламскую юриспруденцию подтверждают выводы современных ученых. Например, Р.М. Нургалеев отмечает, что «методы и принципы великого ученого Шигабутдина Марджани открывают современным исследователям и богословам возможность сформировать концепт решений ряда проблем на примере свободного применения иджтихада и других инструментов исламского правотворчества» [9, с. 96]. Марджани смог связать этничность, нацию, ислам, государственность и правовую мысль в единое целое, и обосновать неотрывность одной категории от другой. «Марджани первым начал изложение истории как ученый, но не как академический исследователь, а личность, обеспокоенная за будущее своего народа», – пишет Р.С. Хакимов [12, с. 347–348].

Литература

1. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007. – 400 с.
2. Ахвердиев Э.Э. Концепция халифата как мусульманской формы правления // Вестник КГУ. 2016. № 3. – С. 263–266.
3. Ислам: энциклопедический словарь. – М.: Наука; Глав. ред. восточ. литературы,

1991. – 315 с.

4. Марджани о татарской элите (1789–1889) / пер. со старотат. и примеч. А.Н. Юзеева и И.Ф. Гимадеева; отв. ред. И.Л. Алексеев. – М.: Марджани, 2009. – 128 с.

5. *Марджани Ш.* Вафият ал-Аслаф ва тахият ал-Ахлаф (Подробное о предшественниках и приветствие потомкам) // Очерки Марджани о восточных народах. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. – 175 с.

6. *Марджани Ш.* Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи (ал-Хикма ал-балига) / Шигабутдин Марджани; предисл. и пер. с араб. Д. Шагавиева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 479 с.

7. *Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). – Казань: Фэн, 2005. Ч. 1. – 255 с.

8. *Маслюженко Д.Н.* Сибирская ветвь династии Шибанидов в исследовании Ш. Марджани // Золотоордынское обозрение. 2019. № 3. – С. 485–496.

9. *Нургалеев Р.М.* Методология Шихабутдина в исламской юриспруденции // Арабистика Евразии. 2019. № 6. – С. 90–98.

10. *Спаннаус Н.* Правовой и религиозный авторитет в концепции иджитхада у Марджани // ISLAMOLOGU. 2019. Т. 9, № 1–2. – С. 112–123.

11. *Сюкияйнен Л.Р.* Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация // Россия и мусульманский мир. 2017. № 9. – С. 87–104.

12. *Хакимов Р.С.* Историческая этнология: парадигма и инструментарий. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – 440 с.

13. *Хасанов Х.Х.* Формирование татарской буржуазной нации. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. – 328 с.

14. *Шамил углы Ю.* Шихабетдин Марджани / төз.: Ә. Мушинский, Л. Шәех; русчага Т. Казанченко тәрж.; татарчага И. Хәлиуллин тәрж. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. – 239 б.

15. Шигабутдин Марджани: сборник статей, посвященный 100-летию Ш. Марджани, изданный в Казани в 1915 г. / авт. предисл. Р. Мухаметшин; сост. и подготовка к изд., науч. ред. Р.А. Гиззатуллин; пер с татар. Г.М. Гилязова, Г.Р. Ахметьяновой. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. – 494 с.

16. *Юзеев А.Н.* Философская мысль татарского народа. – Казань: Татарское кн. изд-во, 2007. – 214 с.

17. *Юсунов М.Х.* Шигабутдин Марджани как историк. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1981. – 232 с.

References

1. Ali-zade A. *Islamic Encyclopedic Dictionary*. – Moscow: Ansar Publishing House, 2007. – 400 p. (In Russian)

2. Akhverdiev E.E. The concept of the caliphate as a Muslim form of government // *Bulletin of KSU*. 2016, no. 3. – Pp. 263–266.

3. *Islam: encyclopedic dictionary*. – Moscow: Nauka. Glav. ed. east. lit-ry, 1991. – 315 p. (In Russian)

4. *Marjani about the Tatar elite (1789–1889)* / trans. from the old-tat. and notes by A.N. Yuzeev and I.F. Gimadeev; ed. I.L. Alexeev. – Moscow: Publishing house of Marjani, 2009. – 128 p. (In Russian)

5. Marjani Sh. Wafiyat al-Aslaf wa tahiyat al-Ahlah (Fractional about predecessors and greetings to descendants). *Marjani's essays on Eastern peoples*. – Kazan: Tatar. publishing house, 2003. – 175 p. (In Russian)

6. Marjani Sh. *Mature Wisdom in explaining the dogmas of an-Nasafi (al-Hikma al-baliga)*. Shigabutdin Marjani; preface. and translated from the Arabic by D. Shagaviev. – Kazan:

Tatar. publishing house, 2008. – 479 p. (In Russian)

7. Marjani Sh. *Extraction of news about the state of Kazan and Bulgar (Mustafad al-akhbar fi ahvali Kazan va Bulgar)*. Part 1. – Kazan: Fan Publishing House, 2005. – 255 p. (In Russian)

8. Maslyuzhenko D.N. The Siberian branch of the Shibanid dynasty in the study of Sh. Marjani. *Golden Horde Review*. 2019. no. 3. – Pp. 485–496. (In Russian)

9. Nurgaleev R.M. Methodology of Shihabutdin in Islamic jurisprudence // *Arabistics of Eurasia*. 2019. no. 6. – Pp. 90–98. (In Russian)

10. Spannaus N. Legal and religious authority in the concept of ijihad at Marjani. *Islamology*. 2019. Vol. 9, no. 1–2. – Pp. 112–123. (In Russian)

11. Syukiyainen L.R. The Islamic concept of the Caliphate: initial principles and modern interpretation // *Russia and the Muslim World*. 2017. no. 9. – Pp. 87–104. (In Russian)

12. Khakimov R.S. *Historical ethnology: paradigm and tools*. – Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2012. – 440 p. (In Russian)

13. Khasanov H.H. *The formation of the Tatar bourgeois nation*. – Kazan: Tatar. publishing house, 1977. – 328 p. (In Russian)

14. Shamil ugli Yu. *Shikhabetdin Mar'ani / toz.:* A. Mushinsky, L. Shaeh; ruschaga T. Kazanchenko Tar.; tatrchaga I. Khaliullin Tar. – Cauldron: Tatar. kit. nashr., 2019. – 239 p. (In Tatar)

15. *Shigabutdin Marjani: collection of articles dedicated to the 100th anniversary of Sh. Marjani, published in Kazan in 1915* / [author R. Mukhametshin; comp. and preparation for the ed., scientific ed. by R.A. Gizzatullin; translated from Tatar by G.M. Gilyazova, G.R. Akhmetyanova]. – Kazan: Tatar. publishing house, 2015. – 494 p. (In Russian)

16. Yuzeev A.N. *Philosophical thought of the Tatar people*. – Kazan: Tatar. publishing house, 2007. – 214 p. (In Russian)

17. Yusupov M.H. *Shigabutdin Marjani as a historian*. – Kazan: Tatar. edition. Publishing house, 1981. – 232 p. (In Russian)